

ныхъ личностей, не цѣлаго сословія воодушевленнаго вѣковыми традиціями. Только среда, нравственныя понятія которой коренились въ глубокомъ язычествѣ, могла выдвинуть рельефную личность Торира Собака. Это—типичный викингъ. Его алчность не знаетъ предѣла; для добыванія денегъ онъ прилагаетъ смѣкалку купца и храбрость воина, хитрость вора и дерзость разбойника. Столь же ненасытной кажется и его мстительность; даже лестное предложеніе взять на себя начальство надъ всѣмъ войскомъ не могло заглушить въ немъ память о личныхъ счетахъ. Но въ преслѣдованіи своихъ цѣлей Ториръ выказываетъ такую силу воли, такую находчивость и, прибавимъ, такую жестокость, что читая захватывающій разсказъ Снорри, мы невольно начинаемъ ощущать въ немъ героя. Основныя черты его характера встрѣчаются и у Орваръ-Одда, но Ториръ сталъ болѣе мощнымъ представителемъ своей среды, будучи выдвинутъ на болѣе отвѣтственный постъ. Въ то время какъ Орваръ-Оддъ живетъ вольной жизнью викинга, безъ высшей цѣли, безъ общаго интереса, Ториръ участвуетъ въ важномъ историческомъ событіи: ему приходится отстаивать старый общественной строй противъ притязаній представителей новой власти, новой вѣры и новой морали. Но со старой культурой неразрывно были связаны и такія смѣлыя предпріятія, какъ поѣздки въ Біармаландъ. Поэтому гибель той среды, изъ которой выходили Отеръ, Орваръ-Оддъ и Ториръ Собака, должна была вызвать и приостановку такихъ путешествій.

XLVII.

Храмъ Іомалы.

О храмѣ Іомалы въ древнесѣверной литературѣ имѣются три подробныхъ разсказа—въ Орваръ-Оддсагѣ, въ Босасагѣ и въ повѣствованіи о поѣздкѣ Торира. Но изъ нихъ Босасага является продуктомъ вольной фантазіи, такъ что можетъ быть принято во вниманіе только два остальныхъ источника. Какъ мы выше ¹⁾ указали, въ редакцію S.

¹⁾ Стр. 118.

Орварь-Одсаги вкралось цѣликомъ нѣсколько предложеній изъ разказа Снорри. Теперь вопросъ въ томъ, поскольку остальное описаніе въ сагѣ и у Снорри независимо другъ отъ друга. Въ обоихъ разказахъ мы находимъ только одну общую черту—курганъ въ густомъ лѣсу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья Двины, состоящей изъ земли и цѣнныхъ монетъ. Но текстъ обоихъ разказовъ совершенно самостоятеленъ и въ этомъ мѣстѣ:

Редакція М. Орварь-Одсаги ¹⁾).

Heimskringla ³⁾):

haugr stendr upp með ánni Vínu, hann er af tveim hlutum görr, af silfri ok moldu; þar skal bera gaupnir silfrs eptir hverjum manni, ef hann ferr af heiminum, ok svá, er hann kemr í heiminn.

þórir sagði at þannug væri þat háttat, þá er audgir menn öndudust, at lausafé skyldi skipta með hinum dauða ok örfum hans; skyldi hann hafa hálf tæð þridjung en stundum minna; þat fé skyldi bera út í skóga, stundum í hauga ok ausa víð moldu; stundum váru hus at ger.

Редакція S. Орварь-Одсаги ²⁾):

haugr stendr upp með ánni Vínu, borinn saman af moldu ok skírum penningum; þangat skal bera gaupnir silfrs ok gaupnir moldar eptir hvern mann er andaz ok svá fyrir þeim er í koma heiminn.

Какъ видимъ, о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи; оба разказа превосходно дополняютъ другъ друга: Орварь-Одсага упоминаетъ о необходимости даннаго жертвопри-

¹⁾ L., стр. 30.

²⁾ L., стр. 29 и 31.

³⁾ Нкг., стр. 381.

ношенія не только по случаю смерти, но и по поводу рожденія ребенка; Ториръ точнѣе опредѣляетъ размѣръ жертвуемой суммы. Кромѣ того, въ Орваръ-Оддсагѣ разсказъ о разграбленіи кургана состоитъ изъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ эпизодовъ, которыхъ нѣтъ у Снорри. Начиная съ того, что въ Орваръ-Оддсагѣ норманы дважды идутъ къ кургану, сперва Гудмундъ и Сигурдъ, потомъ Орваръ-Оддъ. Плѣнный виночерпій указываетъ норманамъ дорогу къ кургану и тутъ же выдаетъ ихъ біармійцамъ. У Снорри такъ и не выяснено, откуда Ториръ зналъ о существованіи кургана ¹⁾; нападеніе біармійцевъ мотивируется тѣмъ, что сторожа затрубили въ рогъ. Въ Орваръ-Оддсагѣ происходитъ форменная битва; весьма наглядно описано расположеніе нормановъ поперекъ мыса и образъ Одда, сражающагося только-что вырубленной дубиной. У Снорри же ни о какомъ столкновеніи не упоминается, такъ какъ біармійцы вслѣдствіе колдовства Торира вовсе не видятъ нормановъ. Въ Орваръ-Оддсагѣ норманы дѣлаютъ себѣ особые носилки; спутники Торира собираютъ деньги въ свое платье. Наконецъ, Орваръ-Оддъ зажигая дерево, даетъ сигналъ кораблямъ подъѣхать къ берегу; отъ Торира, напротивъ, его спутники бѣгутъ.

Съ другой стороны, разсказъ Снорри содержитъ такія подробности, которыя совершенно отсутствуютъ въ Орваръ-Оддсагѣ: курганъ окруженъ высокимъ заборомъ съ воротами; курганъ сторожатъ шесть человѣкъ, смѣняя другъ друга; рядомъ съ курганомъ стоитъ истуканъ Юмалы; у него чаша съ монетами на колѣняхъ и на шеѣ дорогое монисто. Такъ какъ Орваръ-Оддсага не знаетъ ни о заборѣ, ни о сторожахъ, то я дѣлаю такой выводъ, что эти мѣры предосторожности приняты біармійцами только впослѣдствіи, когда обнаружилась та опасность, которая грозила ихъ сокровищамъ отъ нападенія со стороны пріѣзжихъ нормановъ. Этнографическія параллели, приведенныя мною ²⁾,

¹⁾ Дорога къ кургану была Ториру, очевидно, также неизвѣстна, иначе ему не пришлось бы дѣлать знаки на деревьяхъ, чтобы не заблудиться.

²⁾ См. выше, стр. 120, примѣчаніе.

также указывают на то, что курганы такого рода первоначально не охранялись. Но вблизи таких курганов естественно могли стоять изображенія языческихъ божковъ, въ данномъ случаѣ бога Іомалы. Если Орваръ-Оддсага не упоминаетъ объ этомъ истуканѣ, то потому что деревянный Іомала самъ по себѣ не представлялъ никакой цѣнности. Можетъ быть, норманы во мракѣ ночи даже не замѣтили истукана и приняли его за какой-нибудь старый стволъ или пень. Другое дѣло съ Ториромъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Біармаландъ, курганъ былъ не только окруженъ заборомъ, къ послѣднему не только были приставлены сторожа, но и самый истуканъ уже былъ украшенъ драгоценнымъ монистомъ и на его колѣняхъ лежала чаша со щедрыми жертвоприношеніями.

Разсказъ Босасаги примыкаетъ уже къ описанію Снорри. И здѣсь упоминаются заборъ и сторожа; истуканъ украшенъ золотой короной и мѣховой мантией; на колѣняхъ серебряная чаша съ золотыми монетами. Послѣднія отступления—золотая корона и золотыя монеты вмѣсто серебряныхъ — объясняются сами собой, какъ преувеличенія рассказчика. Жарь-птица необходима была для Боси, который вѣдь пріѣхалъ въ Біармаландъ за чудеснымъ яйцомъ. Затѣмъ въ Босасагѣ выводится еще жрица. Въ принципѣ противъ присутствія жрицы возлѣ истукана нельзя ничего возразить. Но вмѣстѣ съ жрицей живетъ и красавица Лейда, преслѣдуемая старой жрицей, сидящая въ запертой комнатѣ, привязанная за волосы къ стулу. Но чудесное яйцо жарь-птицы, красавица и истязалючая ее вѣдьма — общераспространенный сказочный мотивъ; нельзя одну часть этого мотива отдѣлять отъ другой. Такимъ образомъ, жрица въ Босасагѣ уже превратилась въ злую вѣдьму сказокъ. Разъ при истуканѣ жила жрица, то она должна была и чѣмъ-нибудь питаться. Проще всего было держать себѣ корову. Но изъ этой простой бытовой подробности рассказчикъ придумалъ самую причудливую исторію, на свой собственный рискъ или подъ влияніемъ какого-нибудь посторонняго разсказа, не знаю. Итакъ, въ Босасагѣ мы нашли двѣ новыхъ подробности, которыя,

какъ казалось бы, не должны быть плодомъ чистѣйшей фантазіи: жрица и корова, молокомъ которой она питалась. Выше ¹⁾ мы не нашли возможнымъ признать за поѣздками Боси какой-нибудь исторической подкладки. Если жрица и корова дѣйствительно реальныя черты, то онѣ почерпнуты изъ не дошедшаго до насъ устнаго или письменнаго источника. Не слѣдуетъ забывать, что Босасага значительно моложе исторіи Снорри. Чего не видѣлъ Ториръ, о томъ уже могли дойти слухи до рассказчика Босасаги ²⁾.

Разказы Саксона о Гормѣ и Торкилѣ, а равно и разобранныя въ связи съ ними саги также содержатъ нѣкоторыя подробности, которыя совпадаютъ съ описаніемъ храма Юмалы. Городъ Герута или, скажемъ проще, царство мертвыхъ окружено высокой оградой, черезъ которую приходится перелѣзать съ трудомъ. Затѣмъ во всѣхъ разказахъ упоминаются несмѣтные богатства и разныя драгоценности, добываемыя изъ Біармаланда. Но какъ ограда еще до приуроченія къ Біармаланду связывалась съ представленіемъ о царствѣ мертвыхъ ³⁾, такъ и богатства всегда являлись характерной примѣтой малоизвѣстныхъ странъ ⁴⁾. Такъ какъ ни въ одномъ изъ этихъ разказовъ не встрѣчается ни курганъ, ни истуканъ, то нѣтъ основанія искать въ нихъ матеріала для описанія храма Юмалы.

Финскій ученый Шегренъ ⁵⁾ высказалъ предположеніе, что храмъ Юмалы стоялъ на мѣстѣ теперешняго города Холмогоры. Это мнѣніе онъ основываетъ на этимологическомъ толкованіи названія Холмогоры. Правда А. Н. Сергѣевъ въ «Опытѣ объясненія названій русскихъ городовъ», помѣщенномъ въ сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда въ 1870 году ⁶⁾, производитъ названіе Холмогоры, очевидно, отъ русскихъ словъ «холмъ»

¹⁾ Стр. 292—302.

²⁾ Ср. Босасага, стр. 25 сл.

³⁾ См. выше, стр. 358—9.

⁴⁾ См. выше, стр. 372.

⁵⁾ Ges. Schriften, т. I, стр. 395 сл.

⁶⁾ Самый сборникъ вышелъ въ 1875 г. См. стр. 603—635.

и «гора», сопоставляя ихъ съ городами Холмъ въ Псковской и Люблинской, Горбатовъ въ Нижегородской и Горки въ Могилевской губерніяхъ. Эти города, поясняетъ авторъ ¹⁾, получили свое названіе отъ возвышенностей, на которыхъ они построены. Но по увѣренію Крестинина ²⁾ можно искать Холмогоры скорѣе лежащимъ въ долину, чѣмъ на горѣ, потому что кругомъ съ разныхъ сторонъ возвышенности. Кромѣ того, Холмогоры вовсе не было исконнымъ названіемъ этого города. Форма Холмогоры впервые появляется только во время царствованія Петра Великаго, но на ряду съ ней въ теченіе XVIII вѣка еще удерживается и старое названіе, которое, правда, постепенно вытѣсняется. Болѣе древняя форма попадаетъ во всевозможныхъ памятникахъ предыдущихъ вѣковъ. Въ книгѣ Большой Чертежъ (1627 г.) и въ Двинской Лѣтописи пишется: Колмогоры. Въ актахъ 1328 г. то же. Въ царской грамотѣ 7058 г. (1550 г.), говорится о Колмогорцахъ и Колмогоры. На картѣ Герберштейна (1549 г.) читаемъ Colmogor. Аленіусъ ³⁾ приводитъ еще вариантъ—Colmogro. Учитель Густава Адольфа Johan Thomasson Bureus (1568—1652) въ своихъ запискахъ (collectaneer) дѣлаетъ такую замѣтку ⁴⁾: «Въ Kolmegorâdh, лежащій въ Россіи у Бѣлаго моря, ѣздятъ англичане, голландцы, французы съ всевозможнымъ сукномъ и вымѣниваютъ на дорогіе мѣха». Наконецъ, въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г. ⁵⁾ напечатанъ памфлетъ на Ломоносова, сочиненный въ 1754 г. кѣмъ то изъ его враговъ нѣмцевъ-академиковъ. Это стихотвореніе начинается строками:

Es war einst einer aus Kolmgorod,
Wo alle grosse Boven herkommen,
Der war als Bauer-jung ums Brod
Im Kloster aufgenommen.

¹⁾ Стр. 614.

²⁾ Начертаніе исторіи города Холмогоръ 1790 г.

³⁾ Стр. 48 и 90—3.

⁴⁾ Sv. landsm, № 24, 1886 г.

⁵⁾ Стр. 475—8.

Всѣ эти варианты сходятся въ томъ, что первая часть названія—Kolm, а вторая могла быть тождественной съ русскимъ словомъ «городъ». Холмогоры же не встрѣчается ни въ одномъ болѣе древнемъ начертаніи. Это обстоятельство и запрещаетъ намъ довольствоваться созвучіемъ названія Холмогоры съ русскими словами «холмъ» и «гора», указывая на холмистую мѣстность, въ которой якобы расположенъ этотъ городъ. Поэтому Шегренъ пытался найти искомыя основы въ зырянскомъ языкѣ. Такъ онъ думалъ, что зыряне прозвали впервые нашу мѣстность Kolemgort = «оставленный дворъ», и что посредствомъ народной этимологіи изъ зырянской формы Kolemgort получилась русская Колмогоры и затѣмъ уже Холмогоры. Народная этимологія, превращающая Kolemgort въ Колмогоры вразумительна только въ томъ случаѣ, если въ русскомъ языкѣ существуетъ какое нибудь слово, производимое отъ корня *колм—, и если это слово имѣетъ какое нибудь отношеніе къ нашей мѣстности. Если же Kolem—ассоціировалось съ «холмъ», то спрашивается, отчего не сразу получилась форма Холмогоры, а посредствующая ступень Колмогоры. Я понимаю, что могъ получиться такой переходъ: Kolemgort = Kolemgory = Холмогоры, т.-е. что сперва передѣлалась вторая часть, потомъ первая часть названія. Переходъ же Kolem—подъ вліяніемъ «холмъ» сперва въ Колмо—, а черезъ нѣсколько столѣтій въ Холмо—, для меня остается подъ сомнѣніемъ. Кромѣ того, толкованіе «Kolemgort = оставленный дворъ» поставило бы на очередь вопросъ, къ какой народности принадлежали поселенцы, оставившіе этотъ «gort». Итакъ, эта гипотеза не выясняла бы происхожденія этого города и первоначальнаго его прозванія.

Производили Колмогоры также отъ финскаго числительнаго три = kolme. Объясняли такъ, что на мѣстѣ Холмогоры раньше существовали три деревни: теперь—Курцево, Карповка и Падрокурье. Но эти селенія врядъ ли восходятъ къ очень отдаленнымъ вѣкамъ. Не только нѣтъ о нихъ письменнаго свидѣтельства, но и народная память не сохранила намъ слѣда о троичности первобытнаго населенія

Холмогоры. Да и мало вѣроятно, чтобы первые обитатели сѣвера сгущались въ одной мѣстности и образовали три селенія въ одномъ пунктѣ. Во-первыхъ, Двинская земля была раньше далеко не такъ многолюдна, какъ теперь, а далѣе, само Холмогоры, чѣмъ дальше удаляемся отъ нашего времени, представляется все незначительнѣе. До XVII в. Холмогоры не почиталось городомъ. Крестининъ отмѣчаетъ, что «Холмогоры въ первомънадесять вѣкѣ первымъ селеніемъ или посадомъ на Двинѣ не были». Новгородскіе начальники жили въ деревняхъ Матигорѣ и Ухтоостровѣ, а въ Холмогоры расположились лишь заволоцкіе купцы. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на то, что Холмогоры только въ послѣдніе вѣка, стали болѣе населенной мѣстностью, и гипотезу о существованіи здѣсь издревле трехъ деревень приходится отнести къ области мифа.

На берегу рѣки Волхова сохранилось до нашихъ дней преданіе о нѣкоемъ городищѣ; какъ думаютъ, здѣсь нѣкогда жилъ Рюрикъ. Но и у Холмогоры упоминается городище; такъ мы читаемъ въ лѣтописи подъ 1504 г.: «жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники съ Москвы присыланы на ихъ имя и положены въ Городищѣ въ Спасскомъ большомъ соборѣ». Такъ какъ городище на Волховѣ въ исландскихъ сагахъ называется Holmgardr, то невольно приходитъ на умъ приурочить то же названіе и къ городищу на берегу Двины. Шегренъ пытался доказать, что Двина на томъ мѣстѣ, гдѣ могъ находиться древній Holmgardr, перемѣнила свое теченіе, превращая большое поле въ островъ. Но мы вовсе не нуждаемся въ такой тяжелой аргументаціи. Holmgardr на Двинѣ могъ указывать на любой островокъ въ рѣкѣ, а ихъ около Холмогоры цѣлое множество, и вовсе мы для этого не принуждены предполагать радикальныя измѣненія въ природѣ самой мѣстности.

Когда были прерваны сношенія съ скандинавами, то Holmgardr перешло въ распоряженіе мѣстныхъ жителей, самоѣдовъ или зырянъ. Такъ какъ ни тѣ, ни другіе не знаютъ придыхательныхъ гортанныхъ звуковъ, то Holmgardr должно было подвергнуться измѣненію. Тутъ то

Holm— перешло въ Kolm— и ассоціировалось съ kolme= три. Не три деревни вызвали народную этимологию, а фонетическая необходимость замѣнить звукъ h звукомъ k и возникшее отсюда совпаденіе съ kolme=три ¹⁾). Эта ассоціація произошла вѣроятно тогда, когда почувствовался болѣе сильный наплывъ жителей въ эту мѣстность. На счетъ этой ассоціаціи нужно отнести и вставку звука «е» въ Kolmegorod. Перешедши на русскую почву, это «е» было понято какъ соединительная гласная и замѣнено болѣе обычнымъ «о». Что касается второй части въ названіи Holmgardr, то можно представить себѣ, что скандинавы не долго сохраняли трудную для произношенія комбинацію rdг послѣ того, какъ послѣднее «г» утратило свое вокальное значеніе. Кромѣ того, это «г» отбрасывалось во всѣхъ косвенныхъ падежахъ. Если же предположить, что «г» затеривалось въ живой рѣчи, то и d не могло сохранить свой первичный характеръ. Звукъ «а» въ словѣ gardr звучало довольно закрыто и приближалось къ произношенію «о». Впослѣдствіи произошло полное совпаденіе. Восточноскандинавскіе языки выразили это начертаніемъ å у шведовъ и aa у датчанъ, новоисландскій черезъ au. Итакъ, мы прослѣдили развитіе нашего имени отъ Holmgardr= *Kolmgord= *Kolmegord= Kolmegorod= Kolmogorod.

Третій фазисъ въ исторіи города Холмогоры наступилъ тогда, когда онъ въ 1471 г. подпалъ подъ власть московскихъ царей. Тутъ, вѣроятно, понадобилось переименованіе нашей мѣстности на русскій ладъ. Какъ и слѣдовало ожидать, раньше всего подверглась руссификаціи вторая часть: gardr= *gord= городъ. Получились формы Колмегородъ и Колмгородъ (Колмогородъ), засвидѣтельствованныя Буреусомъ и памфлетомъ на Ломоносова. Но такъ какъ Холмогоры не отличались богатствомъ и многочисленностью населенія, то названіе его городомъ могло казаться страннымъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовало дѣйствительному

¹⁾ Приведу аналогичный случай изъ Финляндіи; тутъ усадьба Kaghgerdi стала называться у финновъ kakskerta= „два раза“. Сл. Finsk Tidskrift, т. XLVIII, стр. 257—280.

женіе этой мѣстности, глубину двинскихъ водъ и то обстоятельство, что соединеніе Пинеги открываетъ путь въ отдаленныя страны Мезени и Печоры, легко убѣдиться въ важности этого пункта въ торговомъ отношеніи. Итакъ, Holmgardr былъ скандинавской торговой колоніей, пристанищемъ для скандинавовъ, пріѣзжавшихъ къ низовьямъ Двины съ цѣлью торговли. То же мнѣніе высказалъ уже Эгли ¹⁾. назвавъ Холмогоры—*der grosse Stapelplatz der durch Chazaren, Bulgaren und Biarmier vermittelten Waaren des Binnenlandes*. У Снорри ²⁾ имѣется совершенно опредѣленное указаніе на такое мѣсто торговли: *En er þeir kómu til Bjarmalands, þá lögðu þeir til kaupstaðar*. Если древнесъверные источники не называютъ эту факторію по имени, то это не должно смущать насъ: съ Holmgard'омъ не было связано воспоминаніе о славныхъ подвигахъ викинговъ. Напротивъ, этотъ скандинавскій поселокъ на островкѣ Двины обязанъ своимъ происхожденіемъ тому мирному обмѣну товаровъ и цѣнностей по взаимному соглашенію, который не всегда же смѣнялся враждебными столкновеніями между скандинавами и биарміяцами.

XLVIII.

Разсказъ о Гаукѣ Ястребѣ ³⁾.

Haukr hábrókr былъ любимѣйшимъ мужемъ Гаральда Прекрасноволосаго ⁴⁾. Когда прекратились распри и раздоры въ странѣ, то Гаральду захотѣлось жить въ роскоши и весельи. Поэтому онъ отправилъ Гаука на востокъ (í Austrríki), т. е. въ Россію, чтобы послѣдній купилъ ему разныя дорогія вещи, которыхъ въ Норвегіи нельзя было получить ⁵⁾. Гаукъ на одномъ кораблѣ, но въ сопровожденіи храбрыхъ

¹⁾ I. I. Egli, *Nomina geographica*, 1872 г.

²⁾ Hkr., стр. 381.

³⁾ Fms., т. X, стр. 198—208. Ср. также, *Flateyjarbók*, т. I, стр. 579—81.

⁴⁾ *Eitt sumar var þat er Haraldr Konúgr Kallar til sín hinn Kerasta mann sinn Hauk hábrók.*

⁵⁾ *at kaupa mér nokkura ágæta gripi ok fáséna í vorum löndum.*

спутниковъ прїѣзжаетъ въ Hólmgarðr ¹⁾. Такъ какъ онъ прїѣхалъ осенью, то ему приходится перезимовать въ Россіи.

Вотъ Гаукъ поѣхалъ на ярмарку ²⁾. Тамъ собралось много народа изъ разныхъ странъ, между прочимъ также изъ Швеціи явились Біернъ чернобокій—*Beðrn blásíða* и Сальгардъ куртка—*Salgarðr serkr*. Нужно сказать, что въ то время изъ за семейныхъ недоразумѣній господствовали непріязненные отношенія между Эйрикомъ, королемъ Швеціи, и Гаральдомъ. Разыскивая, что бы купить Гаральду, Гаукъ подошелъ къ греку (*girdskr maðr*) и сталъ разсматривать плащъ, весь обшитый золотомъ. Уже раньше Біернъ пріцѣпился къ тому же плащу и далъ продавцу задатокъ. Тѣмъ не менѣе грекъ беретъ задатокъ и отъ Гаука и, когда тотъ приноситъ всю остальную сумму, отдаетъ ему плащъ, несмотря на то, что Біернъ, замѣтивъ его намѣреніе, просилъ его не дѣлать этого. Отсюда возникаетъ споръ, для рѣшенія котораго назначается борьба. Правда, Сальгардъ желаетъ, чтобы они сражались не только изъ за плаща, но и каждый изъ за превосходства своего короля, но Гаукъ не хочетъ ставить честь своего господина въ зависимость отъ успѣха оружія. Передъ боемъ нѣкій Буи предлагаетъ Гауку особый мечъ, но тотъ отказывается отъ этого подарка, утверждая, что у него самого достаточно хорошее оружіе. Происходитъ борьба. Послѣ того какъ нѣсколько человѣкъ пало и многіе были ранены, вмѣшались мѣстные жители и разняли ихъ. Побѣда же осталась за Гаукомъ. Возвратившись во свояси, каждый получилъ по заслугамъ: Гаукъ—почести, Біернъ и Сальгардъ—немильность.

Однажды Гаральдъ вздумалъ отправить Гаука въ Біармаландъ за мѣхами. У Гандвика живетъ нянька Гаральда Гейда; ей онъ посылаетъ въ подарокъ золотое кольцо, два

¹⁾ *Haukr ferr nú með einu skipi ok góðri fylgd.*

²⁾ *Kemr hann þar er markaðr er setttr.* Это очень важное указаніе, что ярмарка происходила не въ Hólmgarðr, а въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

куска кабаньяго мяса и два боченка масла ¹⁾. При этомъ Гаральдъ предостерегаетъ Гаука, что Эйрикъ, узнавъ объ ихъ поѣздкѣ, непременно воспользуется этимъ случаемъ, чтобы отомстить за ту обиду, которую онъ нанесъ его воинамъ въ Россіи. вмѣстѣ съ Гаукомъ отправляется и Виггардъ (Vighardr), уроженецъ Галогаланда. Онъ сперва предлагалъ свои услуги королю Эйрику. Какъ разъ въ праздникъ іола, когда все было готово къ пиршеству, онъ прибѣжалъ на лыжахъ, одѣтый въ волчій тулупъ, и просилъ Эйрика взять его на службу на одинаковыхъ съ Біерномъ и Сальгардомъ условіяхъ, но король отвѣтилъ, что онъ раньше долженъ испытать его. Тогда Виггардъ сразу же уходитъ и направляется прямо къ Гаральду, который принимаетъ его съ радостью, восхищаясь его смѣлымъ бѣгомъ на лыжахъ ²⁾. Гауку король предложилъ всѣя себѣ въ товарищи пришельца ³⁾. Вотъ съ этимъ то Виггардомъ Гаукъ поѣхалъ въ Біармаландъ.

Эйрикъ дѣйствительно рѣшилъ, что его воины также должны отправиться въ Біармаландъ. Но раньше онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ божества Lútir. Въ Упсалѣ устрѣивается пиршество. Къ мѣсту жертвоприношенія король поѣхалъ въ двухъ коляскахъ. Одна коляска была предназначена для самого бога, но несмотря на то, что она простояла всю ночь, Lútir не явился. Тогда король усилилъ жертвы; на третье утро Lútir пришелъ. Кони сразу же понесли и привезли бога къ королѣвскимъ хоромамъ. Коляску ввезли въ середину зала; король подошелъ къ богу съ рогомъ и привѣтствовалъ его, просилъ его покровительства на предстоящую поѣздку. Божество рассказываетъ, что оно уже разъ было на сѣверѣ, но встрѣтило

¹⁾ Масло было, очевидно, большей рѣдкостью на сѣверѣ. Сл. напримѣръ, выше стр. 182. рассказъ о томъ, какъ Кетиль бережетъ масло и какъ имъ потомъ угощаются гости Бруни.

²⁾ Прїѣздъ Виггарда описывается весьма картинно: hvat er nú sjá i fjallit sem hvirfilvindr sé edr mun maðr renna á skíðum? en mjöllin var laus, ok rauk honum, en hvorki vex vindrinn né þverrar ok því sá þeir at madrinn mundi vera ok þó var fárra manna þar ofan at renna.

³⁾ taka til lags við sik ok félagskapar.

тамъ такое чудовище, что ни за что больше не хотѣло бы имѣть съ нимъ дѣло; правда, оно тогда было очень старымъ и теперь небось уже скончалось, все же ему не хочется ѣхать на сѣверъ. Король успокоиваетъ бога тѣмъ, что этого чудовища навѣрно уже больше нѣтъ въ живыхъ. Тогда Lutig соглашается ѣхать. Когда Біернъ и Сальгардъ вышли въ Балтійское море, передъ ними шелъ большой корабль (dreki), на которомъ была черная палатка, и никто, казалось, не управлялъ имъ.

Когда Гаукъ пріѣхалъ въ Гандвикъ, онъ тотчасъ же отправился къ Гейдѣ. Но Гейда сперва предсказываетъ несчастный исходъ его поѣздки. Тогда Гаукъ передаетъ ей подарки короля, отъ которыхъ она приходитъ въ такой восторгъ, что рѣшается во что бы то ни стало помочь Гауку. «Если не отблагодарить за такіе подарки, то вообще не стоитъ питать благодарности». Когда она развела огонь и они усѣлись, она попросила Гаука, чтобы онъ поцѣловалъ ее. Онъ исполнилъ ея желаніе, хотя она была очень некрасива: одна губа висѣла внизъ, чуть ли не до самой груди, а другая вскрючивалась вверхъ подъ самый носъ ¹⁾. Удовлетворенная Гаукомъ, Гейда обратилась тоже къ Виггарду съ тѣмъ же предложеніемъ, но тотъ отказался цѣловать ее. Тогда она сулитъ ему несчастье, Гауку же вручаетъ два шарика.

Изъ Гандвика Гаукъ ѣдетъ въ Біармаландъ и встрѣчается съ Біерномъ и Сальгардомъ. Происходитъ сраженіе. Въ сторонѣ Гаукъ видитъ неизвѣстный ему корабль, отъ котораго летятъ стрѣлы и всегда убиваютъ кого-нибудь изъ воиновъ Гаука. Наконецъ, держатся на ногахъ только четыре начальника. Виггардъ однако скоро падаетъ, пораженный стрѣлой таинственнаго корабля. Видя смерть своего товарища, Гаукъ вспоминаетъ о шарикахъ Гейды и бросаетъ ихъ по направленію къ вредоносному кораблю. Тотчасъ же на немъ вспыхиваетъ пожаръ. Гаукъ же убиваетъ Біерна и Сальгарда, потерявъ при этомъ одинъ

¹⁾ Такъ обыкновенно описывались вѣдьмы. См. напримѣръ, выше стр. 128.

глазъ. Затѣмъ Гаукъ совершенно одинъ на лодкѣ ѣдетъ къ Гейдѣ. Послѣдняя провожаетъ его до того мѣста, гдѣ стояли купцы ¹⁾). Послѣдніе берутъ Гаука съ собой въ Норвегію. Lutig также возвращается къ Эйрику и жалуется на тѣ поврежденія, которыя онъ получилъ отъ большого чудовища на сѣверѣ ²⁾).

Гаукъ извѣстенъ намъ еще изъ другого разсказа ³⁾). Однажды англійскій король Адальстейнъ отправилъ къ Гаральду посольство съ подарками. Между послѣдними находился особенно драгоцѣнный мечъ. Когда посоль въручилъ Гаральду мечъ и тотъ взялся за рукоятку, то посоль воскликнулъ: «теперь ты сталъ слугою (þegn) нашего короля, разъ ты взялъ въ руки его мечъ». Послѣ этого Гаральдъ отправляетъ Гаука въ Англію вмѣстѣ со своимъ сыномъ Гакономъ, въ послѣдствіи прозваннымъ Гакономъ Добрымъ. Представъ передъ королемъ, Гаукъ сажаетъ маленькаго Гакона Адальстейну на колѣни со словами: «Гаральдъ просилъ тебя воспитать его сына». Смыслъ этого приема заключается въ томъ, что воспитатель чужихъ дѣтей считался менѣе благороднымъ, чѣмъ тотъ, кто отдавалъ своихъ дѣтей на воспитаніе ⁴⁾). Послѣ этого короли помирились. Каждый изъ нихъ оставался самовластнымъ королемъ въ своемъ государствѣ.

Понятно, этотъ послѣдній разсказъ есть ничто иное, какъ остроумный анекдотъ, приспособленный къ церемоніалу и обычаямъ того времени. Но остается историческій фактъ, что Гаконъ воспитывался у Адальстейна и принялъ въ Англіи христіанство, и что такому сближенію между англійскимъ и норвежскимъ королями должны были предшествовать переговоры. Нельзя отрицать и того, что во главѣ одного такого посольства стоялъ нашъ Гаукъ Ястребъ ⁵⁾).

Вглядываясь теперь въ самостоятельный разсказъ о Гаукѣ,

¹⁾ fylgir hún honum þar til er Kaupmenn eru.

²⁾ sakir örkumbla þeirra er hann Kvezt fengit hafa af hinu mikla trölli í Noregi.

³⁾ Hkr., стр. 78—80.

⁴⁾ þat er mál manna, at sá væri útnarni er öðrum fóstradi barn.

⁵⁾ Упомянутое объ этомъ порученіи. Fms., т. X, стр. 200.

мы находимъ столько любопытныхъ, реальныхъ чертъ и такое правдоподобное воспроизведеніе скандинаво-русскихъ сношеній, что не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ историчности всего преданія изъ за фантастическихъ добавленій, которыя такъ легко приставали къ повѣствованіямъ о Біармаландѣ. Нечестное поведеніе греческаго купца, споръ скандинавовъ изъ за плаща, вмѣшательство мѣстныхъ жителей для возстановленія мира—все это схвачено непосредственно живо. Но и въ описаніи поѣздки въ Біармаландъ встрѣчаются поразительныя подробности. Какъ строго, на примѣръ, отдѣляется Гандвикъ отъ Біармаланда. Или возьмемъ хотя бы обратный путь Гаука: сперва онъ ѣдетъ одинъ на маленькой лодкѣ, потомъ туземцы (въ разсказѣ—Гейда) везутъ его къ норвежскимъ купцамъ, и съ ними онъ уже попадаетъ въ Норвегію. Но есть и неточности: такъ Эйрикъ отправляетъ Біерна на сѣверъ въ Суздаль и Біармаландъ ¹⁾). Упомянутое о такомъ близкомъ сосѣдствѣ русскихъ областей съ Біармаландомъ мы наблюдали уже раньше ²⁾). Еще болѣе поражаетъ насъ маршрутъ Біерна: вышедши изъ озера Меларнъ (от *Leginum*) въ Балтійское море, онъ поворачиваетъ прямо на сѣверъ и пріѣзжаетъ въ Біармаландъ. Хотя и для этого пути у насъ имѣлись аналогичные случаи ³⁾), но я думаю, что эта несообразность здѣсь указываетъ на искусственную компоновку разсказа. Если бы Біернъ черезъ Ботнической заливъ ѣхалъ въ Біармаландъ, то онъ прибылъ бы туда не на кораблѣ. Обѣхать же скандинавскій полуостровъ при враждебномъ настроеніи норвежцевъ къ шведамъ было дѣломъ столь рискованнымъ, что Эйрикъ никакъ не могъ рассчитывать на успѣхъ. Поэтому поѣздка Біерна въ Біармаландъ и вторая его встрѣча съ Гаукомъ являются весьма неправдоподобными частями разсказа. Это уже распространенія, поведшія потомъ ко вторженію и другимъ, еще менѣе вѣроятныхъ подробностей. Историческіе факты, ко-

¹⁾ hann vill at þeir fari norðr til Surtzdala ok Blarmalands.

²⁾ Стр. 284—5 и 334—341.

³⁾ Стр. 284 и 334—341.

торые могутъ быть извлекаемы изъ разсказовъ о Гаукѣ, слѣдующіе:

1) Гаукъ отвозилъ Гакона, сына Гаральда, въ Англію.

2) Гаукъ ѣздилъ въ Россію и здѣсь на ярмаркѣ изъ за покупки плаща имѣлъ столкновение съ Біерномъ и Сальгардомъ.

3) Гаукъ въ сопровожденіи Виггарда предпринялъ также поѣздку въ Біармаландъ, которая по неизвѣстнымъ намъ причинамъ окончилась такъ неблагополучно, что Гаукъ еле еле добрался домой.

Патріотическая лѣтопись Норвегіи сохранила, очевидно, только разсказы о славныхъ подвигахъ ея сыновъ. О неудачныхъ предпріятіяхъ умалчивалось, поскольку это было возможно, или причины несчастья объяснялись менѣе обиднымъ для національнаго самолюбія образомъ. Въ данномъ случаѣ, старые враги Гаука еще разъ были выведены на сцену вопреки всѣмъ географическимъ условіямъ.

Адальстейнъ вступилъ на престолъ въ 925 г. Переговоры съ Гаральдомъ относятся къ началу его царствованія ¹⁾). Поѣздки Гаука въ Россію и въ Біармаландъ были совершены послѣ его посольства въ Англію ²⁾), но еще при жизни Гаральда, значить до 933 г. Итакъ, путешествіе Гаука совершено почти въ одно и тоже время, какъ и поѣздка Эйрика Кровавая Сѣкира, можетъ быть, нѣсколькими годами позже.

Что касается фантастическихъ подробностей этой поѣздки, то онѣ примыкаютъ къ уже готовымъ представленіямъ. Гейда — одна изъ тѣхъ великаншъ и колдуній, которыя обязательно жили на крайнемъ сѣверѣ. Въ ея требованіяхъ ласки отъ пріѣзжихъ витязей мы узнаемъ упоминаемый выше ³⁾ мотивъ—Entzauberungskuss. Впрочемъ, пріѣхавшіе на сѣверъ постоянно вступали въ супружескія сношенія съ туземками, какъ видно, на примѣръ, изъ Кетильсаги.

¹⁾ Adalstein hét þá Konúgr í Englandi, er þá hafði nýtekit við Konungdómi. Hkr., стр. 78.

²⁾ Fms., т. X, стр. 200.

³⁾ Стр. 174—6.

Болѣ загадочнымъ является божество *Lutir*, о которомъ рѣшительно нѣтъ никакихъ другихъ указаній. Но и въ приуроченіи его культа къ Упсалѣ и въ приѣздѣ его въ каретѣ сказывается желаніе оставаться въ предѣлахъ исторической традиціи. Такъ, по свидѣтельству Тацита ¹⁾, богиня *Hertha* разъѣзжала по странѣ въ каретѣ, запряженной коровами. И вообще нужно думать, что поѣздки божества принадлежали къ языческому богослуженію. Но помимо этихъ чертъ божество *Lutir* совершенно обезлично. Столкновение его съ Гейдой описано въ такихъ туманныхъ образахъ, что дѣйствія божества совсѣмъ не выясняются. Но разсказчикъ достигъ своей цѣли: онъ связалъ поѣздки Гаука въ Біармаландѣ съ приключеніями Гаука въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ намъ несчастный исходъ этой поѣздки вмѣшательствомъ божества. Намъ же, понятно, было бы интереснѣе узнать истинныя причины этой неудачи. Но о нихъ краснорѣчиво умалчиваетъ сага.

XLIX.

Послѣднія поѣздки въ Біармаландѣ.

О нѣсколькихъ поѣздкахъ въ Біармаландѣ упоминается также и въ сагѣ о королѣ Гаконѣ старомъ, который былъ сыномъ Гакона, сына Сверри. На двухъ корабляхъ отправились: *Andres af Sjömælingum* (*Smælingum*, *Sannmelingum*), *Sveinn Sigurdarson*, *Ögmundr* (или *Sigmundr*) *af Spanheimi* (*Spángheimi*) и многіе другіе. Андрей и Свейнъ возвратились осенью домой, но Огмундъ и остальные остались съ другимъ кораблемъ въ Біармаландѣ. Среди послѣднихъ по имени называется еще *Helgi Bográngsson*. Такъ какъ всѣ эти скандинавы въ сагѣ называются *Háleygir*, то мы въ правѣ заключить, что всѣ они были родомъ изъ Галогга-

¹⁾ Est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum veste contactum: attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrali deam intelligit, vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur. Læti tunc dies, festa loca, quæcunque adventu hospitioque dignatur. Germania, глава XL, стр. 312.